

Туберовский А. М. Обновление человечества: [Вступительная лекция студентам I и III курсов Московской Духовной Академии 15 сентября 1917 года] // Богословский вестник 1917. Т. 2. № 10/11/12. С. 343–355 (2-я пагин.).

Обновленіе человѣчества ¹⁾.

„Рождество челоуѣча обновленіе“... (Изъ церковныхъ воспоминаній на Рождество Христово).

Милостивые Государи!

Въ настоящіе великіе историческіе дни, когда на Вашихъ глазахъ разворачиваются событія огромной, міровой важности; когда совѣтъ грозитъ Россіи врагъ, а внутри рѣются страшные призраки „краснаго смѣха“ и „царя-голода“,—въ такое время, конечно, Вы ждете отъ меня, всегда, въ преподаваніи Догматическаго Богословія, ставившаго и теперь ставящаго своимъ первымъ лозунгомъ *выработку* соответствующаго православнымъ догматамъ *міровоззрѣнія* ²⁾,—Вы ждете отъ меня *широкаго освѣщенія современныхъ событій*, установки такой точки зрѣнія, которыя, преодолевая „экономическо-материалистическій“ синтезъ, осмысливала бы и дѣлала понятнымъ все происходящее.

¹⁾ Вступительная лекція, прочитанная студентамъ I и III курсовъ Московской Духовной Академіи 1917 г. 15 сентября.

²⁾ См., напр., „Догматика, какъ міровоззрѣніе“... лекцію, напечатанную въ „Христіанствѣ“ 1915 г. (январь).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда праздновался столѣтній юбилей „отечественной войны“, въ „рождественскую“ ночь мнѣ пришлось быть въ Московскомъ храмѣ Христа-Спасителя.—въ томъ самомъ храмѣ, который воздвигнуть въ память войны (18)12 года и посвященъ *Рождеству Христову*. Служилась торжественная всенощная. По ступенькамъ второй лѣстницы я поднимался на хоры юбилейнаго храма, на второй этажъ собора—памятника. До меня долетали отброшенные стѣнами и сводами храма звуки читавшагося канона. Вдругъ я слышу пѣніе хора: „Рода человѣча обновленіе древле поля пророкъ Аввакумъ предвозвѣщаетъ, видѣти неизреченно сподобився образъ, младый младенецъ бо изъ горы Дѣвы изыде, людей во обновленіе слово“³⁾.—*Рода человѣча обновленіе*,—слова эти, точно электрической искрой, „обожгли“ меня своимъ противорѣчіемъ дѣйствительности. О какомъ „обновленіи человѣчества“.—спрашивалъ я себя тогда,—можетъ быть рѣчь, если за стѣнами этого храма кипитъ „борьба за существованіе“, сопровождаемая всѣми отвратительными ужасами насилій, убійствъ, грабежей, измѣнъ, предательства, заячьей трусости однихъ и не менѣе презрѣнной наглости другихъ, если эта борьба ведется не только между отдѣльными лицами, но и цѣлыми народами (въ то время шла балканская война); если эта борьба теперь еще болѣе ожесточенна, чѣмъ во времена Христа или пророка Аввакума; если самый храмъ этотъ со всѣмъ его соломоновскимъ великолѣніемъ сооруженъ въ память и на мѣстѣ ужасовъ войны „12-го года“? Не *ошибался* ли пророкъ, предвозвѣщая „рода человѣча обновленіе“? Не было ли *галлюцинаціей* его „видѣніе“ младенца съ дѣвственной горы,—образъ обновленнаго человѣка? Не *утопія* ли предсказаніе другого пророка о томъ, что люди нѣкогда „перекуютъ мечи свои на плуги и копья на серпы, и не будутъ обучаться военному строю“? Не восточную ли, красивую, какъ всегда, но далекую отъ дѣйствительной жизни *сказку* имѣетъ мы въ повѣствованіи евангелиста о явленіи ангеловъ вифлеемскимъ пастухамъ въ ночь Рождества Христова съ благовѣстіемъ о рожденіи Спасителя міра и гимномъ: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“? И не

3) Промсь 4-й пѣсни 2-го канона на Рождество Христово.

звучать ли, наконецъ, всѣ церковныя пѣсни о „мирѣ“, „обновленіи“, „любви“ и пр. *фильшиво*, даже кощунственно?—Такъ спрашивалъ я себя, поднимаясь все выше и выше по виткамъ лѣстницы на хоры храма Спасителя.

Проходить полтара года. Умолкшіи—было гуль балканской войны оказался лишь *прелюдией* кровавой „борьбы народовъ“,—войны европейской, даже міровой, для насъ „второй отечественной“. Помимо непосредственно заинтересованныхъ въ исходѣ войны великихъ государствъ одной Европы, въ общую свалку вмѣшались не только крупныя „народы“, но и многія мелкія *народности* всѣхъ странъ, кончая Австраліей. Забыто единство человѣчности, расы, культуры, национальности, крови и вѣры. Человѣкъ истребляетъ человѣка: индо-германская раса раздѣлились на двѣ враждующія половины: индо-европейцевъ въ союзѣ съ монголами, съ одной стороны, и германцевъ въ контактѣ съ неграми, съ другой; цивилизованные французы и культурные нѣмцы общаются съ дикарями, зуавами и каффрами другъ противъ друга; славяпинь-болгаринь братается съ вѣковымъ врагомъ—туркомъ и австріякомъ на погибель славянина же; полякъ убиваетъ своего родного брата, дерущагося въ рядахъ непріятельской арміи, и, что всего ужаснѣе, христіане соединились съ магометанами, буддистами, язычниками противъ христіанъ. За время этой небывалой по широтѣ и ожесточенности войны мы слышали объ „ужасахъ“ Калиша, Бельгій и Сербіи; читали длинныя списки „звѣрствъ“, чинимыхъ нѣмцами надъ мирнымъ населеніемъ, женщинами и дѣтьми завоеванныхъ областей, надъ плѣнными, ранеными, даже убитыми; передъ нами вертится сплошной калейдоскопъ всевозможныхъ насилій, мародерства, спекуляцій, измѣнъ, предательства отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ *націй*. Война осложняется революціей, революція отяжеляется голодомъ. Гека томбы смерти растутъ, уровень человѣческаго зла поднялся выше ординара. Сцены дезертирства, самосуда, захватовъ стали обычными; поговариваютъ о *рѣзняхъ* изъ за недостатка хлѣба, о „войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ“. Не „отверзтыя небеса“ видимъ мы надъ собою, а какой-то тяжелый *кошмаръ* нависъ надъ землею. Не пѣніе „ангеловъ“ о „мирѣ“ и „благоволеніи людей“ слышимъ мы, а—*вой* голодныхъ, грызущихся *звѣрей*. И невольно опять ставится рядъ вопросовъ:

гдѣ же обѣщанное пророками „обновленіе человѣчества“? Не былъ ли Христосъ великимъ обманщикомъ? Не правъ ли инквизиторъ Достоевскаго, вторично осуждая Его на смерть? Не слѣдуетъ ли намъ ожидать другого Мессію? Не утопія ли—„Царство Божіе“ на землѣ? И—какой смыслъ изучать теперь догматы, христіанскую мораль? Не пора ли все это сдать въ архивъ, сложить въ музей древностей, и съ „отреченіемъ отъ стараго міра“, отъ традиціонныхъ монархически-буржуазныхъ формъ отказаться и отъ *Христа*, а вмѣстѣ съ устремленіемъ „впередъ“, по пути социальнаго прогресса, забыть небо, совѣсть, душу и *Бога*?

Вотъ вопросы, въ рѣшеніи которыхъ позвольте мнѣ стать на излюбленную мною *динамическую* ¹⁾ точку зрѣнія.—По этому воззрѣнію, міръ со всѣмъ, что его населяетъ, есть „твореніе“ или, что то же, „откровеніе“, проявленіе единой *Силы*, которую мы называемъ *Богомъ*. Если эта сила безмѣрна по объему, т. е. всемогуща, вездѣсуща, извѣчна: то она должна быть совершенной и въ другомъ отношеніи—по качеству, содержанію, или „цѣнности“, т. е. разумной, благой и, наконецъ, по высшему опытному опознанію ея,—*любовью*. Какъ всѣ матеріальныя „вещи“ представляютъ собой, по современному энергетическому міровоззрѣнію обнаруженіе и концентрацію физической энергіи: такъ и всѣ духовныя существа, начиная съ ангеловъ и кончая „душой атома“, могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ выступленій и аккумуляторовъ *психическаго начала*. Эти оба вида энергіи существуютъ *одновременно и одновременно*, т. е. „параллельны“ одинъ другому.

Какъ нѣтъ „атома“, лишеннаго всякой *духовности*, хотя бы въ формѣ элементарной разумности своего устройства, такъ не существуетъ и высшаго „духа“, чуждаго *материальности*: по опыту ясновидцевъ и святыхъ, даже атомы и души умершихъ имѣютъ тонкую *вещественную* „оболочку“. Только Божество, „чуждое всякой ограниченности“, *абсолютно духовно*. Божественная сила, какъ безпредѣльная по объему и всесовершенная по качеству, не исчерпывается ни однимъ

¹⁾ См. мою книгу: „Воскресеніе Христова“ (опытъ мистической идеологии догмата). 1916. Сергіевъ Посадъ.

изъ своихъ проявленій-твореній, которыя ео ipso оказываются „ограниченными“ и „несовершенными“, приобрѣтая такимъ образомъ въ самомъ началѣ и актомъ своего бытія иную, отличную отъ Божественной природу. Всякая же „ограниченность“ есть въ то же время и „обособленность“ или *относительная самостоятельность*. Отсюда, во всякомъ существѣ, какое бы мы ни взяли, будетъ оно принадлежать къ физическому или психическому міру, мы находимъ *свободу*, пропорціональную или соотносительную его ограниченности. Въ физическомъ мірѣ эта „свобода“ обнаруживается, какъ *автономія* или *самозаконность*, а въ духовномъ, — какъ соответствующее сознательно-разумному бытію этого міра *самосредствленіе*.

Если мы съ только-что изложенной общей точки зрѣнія посмотримъ на міръ, взятый съ обѣихъ его сторонъ, — физической и духовной, — то мы увидимъ между ними въ результатѣ сказаннаго „параллелизма“ любопытную *аналогію*. Какъ въ физической, такъ и психической области міра, вмѣстѣ съ постепенной „дифференціаціей“ замѣтна прогрессирующая *освободительная* тенденція. Остановимся на нѣкоторыхъ конкретныхъ чертахъ той и другой дѣйствительности. Начнемъ съ „физической“ по-преимуществу сферы міра. Актъ Божественнаго „творчества“ или первичнаго *оплотворенія*, ограниченія Божественной силы въ формѣ матеріи или, что тоже, физической энергіей, непостижимъ для науки. Послѣдняя начинается съ установленія бытія этой энергіи и закона ея превращеній. Начальнымъ этапомъ существованія „физической энергіи“ въ доступной познанію формѣ служитъ *электронъ*. Это — „точка приложенія“ физической энергіи, *свѣтя* матеріальнаго міра. Здѣсь мы усматриваемъ первоначальную дифференціацію *энергіи* вообще въ формѣ „электрической силы“ съ характеризующими ея существованіе „законами“ въ частности. *Атомъ* представляетъ собой дальнѣйшій этапъ „дифференціаціи“ и „автономизма“. Это — уже „микрокосмъ“, миниатюра вселенной, гдѣ на-ряду съ отдѣльностью *монады* проявляется относительно большая обособленность цѣлаго. Это — царство „радіоактивной“ и т. п. силъ со всѣми ихъ законами-*нормами*. Химическій агрегатъ атомовъ даетъ собой *молекулу*, новую высшую „единицу вещества“ еще бѣльшей самостоятельности. Космической агре-

гать вещества въ формѣ *туманности* служить тѣмъ материнскимъ лономъ, въ которомъ путемъ „выдѣленія“ и „освобожденія“ образовались небесныя тѣла: солнца или звѣзды, планеты и спутники. Если мы возьмемъ спутникъ какой-либо планеты въ качествѣ конечнаго продукта космической дифференціаціи вещества, то мы увидимъ здѣсь вмѣстѣ съ достигнутой предѣла „центробѣжностью“ физической силы и наибольшую тенденцію къ *освобожденію* себя отъ законовъ цѣлаго, проявляющуюся, напр., въ очень значительномъ уклоненіи отъ общаго направленія движенія планетъ.

За химическимъ синтезомъ вещества въ формѣ металловъ, минераловъ и др. „тѣлъ“ слѣдуютъ *организмы*: растенія и животныя. Это—переходные этапы изъ физической сферы въ царство духа. Психическое начало выступаетъ здѣсь „организующимъ“ только, какъ въ *растеніяхъ* и „одушевляющимъ“—въ животныхъ, а не борющимся и побѣждающимъ вещественность, какъ въ *человѣкѣ* и торжествующимъ—въ *ангелахъ*. Растенія и животныя,—эти синтезы живого вещества,—являютъ собой два біологическихъ типа, распадающіеся на множество классовъ, видовъ, разновидностей и экземпляровъ,—индивидовъ съ характеризующими ихъ *признаками* и *свойствами*,—своего рода „законами“ каждаго изъ нихъ. Однако только въ *человѣкѣ* загорается лучъ подлинно *духовной* жизни. Лишь съ него начинается типичная для „психической энергіи“ *аккумуляція* сознанія, разумности, творчества, добра и др. цѣнностей. Но и здѣсь мы видимъ тотъ же „параллелизмъ“ ограниченія или *индивидуализаціи* и свободы,—*автократіи*. Синонимомъ „ограниченности“ въ *человѣкѣ* выступаетъ его *личность*. По ученію восточной философіи личность въ *человѣкѣ*—какъ бы *диафрагма* его божественности, т. е. „препятствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ условіе“ для проявленія въ немъ божественной силы. Съ личностью же въ *человѣкѣ* нераздѣльна, коррелятивна ей свобода въ смыслѣ способности самоопредѣленія. Материаломъ для послѣдняго служитъ прежде всего отношеніе каждаго изъ насъ къ своему тѣлу, физическому міру вообще, затѣмъ—къ другимъ личностямъ и, наконецъ, Превышней Силѣ и Цѣнности—Богу. „Свобода“ ограниченаго психо-физическаго существа, какимъ является *человѣческій*

„индивидуумъ“, выражается въ *различномъ* отношеніи къ тремъ названнымъ объектамъ. Онъ можетъ стать и „господиномъ“ своего тѣла, какъ равно и всѣхъ матеріальныхъ цѣнностей, но можетъ быть и „рабомъ“ ихъ. Активные отношенія къ людямъ располагаются между полюсами „равенства и братства“, съ одной стороны, насилія и розни—съ другой. Наконецъ, „самоопредѣленіе“ человѣка въ отношеніи къ Богу можетъ осуществляться, какъ въ вѣрѣ и любви къ Нему, такъ въ невѣріи и богоненавистничествѣ. Последний видъ самоопредѣленія особенно типиченъ для ангельскаго міра,—той по преимуществу духовной сферы, гдѣ съ крайней степенью индивидуализаціи духовно-божественной силы неразрывно связанъ и наибольшій автократизмъ. Первые члены трехъ альтернативъ: господство надъ матеріей, равенство съ себѣ подобными и покорство Божеству, выражая *нормальное* соотношеніе человѣческой личности къ названнымъ объектамъ по формулѣ $<, = \text{ и } >$, составляютъ содержаніе такъ-называемой „истинной“, „идеальной“ или духовной свободы, свойственной во всемъ объемѣ лишь неограниченному существу. Наоборотъ, вторые члены паръ: подчиненіе веществу, какъ низшей по цѣнности силѣ, насиліе надъ себѣ подобными и богоборство въ смыслѣ невѣрія и нечестія суть выраженіе дурной стороны свободы, извращеніе или злоупотребленіе способностью самоопредѣленія.

Если мы смотримъ на человѣка, какъ на сложный аккумуляторъ психо-физической энергіи со всѣми ея разнообразными законами, то жизнь *человѣчества* неизбѣжно будетъ представлять собою борьбу всевозможныхъ силъ и цѣнностей. То, что отдѣльный человѣкъ переживаетъ въ себѣ, какъ борьбу духа и плоти, добра и зла, личной ограниченности и духовно-божественной свободы,—то самое въ общественной жизни и перспективѣ исторіи выступаетъ, какъ борьба индивидовъ, партій, организацій, народовъ, государствъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ индивидуальной жизни, возможно торжество свѣта и мрака, добродѣтели и порока, порядка и хаоса, истины и лжи, красоты и безобразія. Тутъ пестрый калейдоскопъ различныхъ отношеній къ цѣностямъ матеріи и духа, безконечное разнообразіе въ степени индивидуальной силы и свободы—въ амплитудѣ божественнаго совершенства и дьявольскаго произвола.

Христосъ явился въ мірѣ „реальной божественной силой“ и „искупительной жертвой“. Динамическій характеръ христіанства очевиденъ отрицательно изъ того противодѣйствія, которое оно встрѣтило и доселѣ встрѣчаетъ въ мірѣ, а положительно — изъ совокупности благъ, слѣдующихъ изъ факта принятія его въ личной и общественной жизни. Къ такимъ благамъ принадлежатъ, между прочимъ, и воспѣтыя „миръ на землѣ“ и „благоволеніе въ людяхъ“. Сила христіанства, однако, не ограниченно-творная, ощущаемая на опредѣленномъ пространствѣ и промежуткѣ времени, но *Божественная*, дѣйствующая на людей всѣхъ странъ и вѣковъ и качественно опознаваемая, какъ превышая цѣнность—любовь. Христосъ былъ и остается единственнымъ абсолютнымъ откровеніемъ Божественной силы не только въ смыслѣ дѣйствования въ немъ „сверхъестественнаго“ всемогущества, но и обитанія *полноты* духовныхъ цѣнностей: высшаго разума, исключительнаго добра, высочайшаго блага. Христосъ и христіанство, наконецъ, *реальная* сила, проявившаяся въ человѣчески-ограниченной формѣ, существующая въ определенной исторической обстановкѣ. Это—наиболѣе конкретное и *сосредоточенно-ипостасное* „оплототвореніе“ Божества. Оно есть „изліаніе“ любви Божіей къ міру и человѣческой—къ Богу въ одномъ лицѣ *Единороднаго* Сына Божія и вмѣстѣ безгрѣшно-идеальнаго Сына человѣческаго. Оно требуетъ, поэтому, и отъ cadaго человѣка *усилій* вѣры и *дѣятельнаго подвига*, какъ условія своего дальнѣйшаго существованія въ мірѣ и человѣчествѣ.

Какъ откровеніе въ мірѣ Божественной жизни съ ея высшимъ содержаніемъ—любовью, Христосъ является „принципальной“ *искупительной жертвой*. Искупительный характеръ Христовой жертвы состоитъ не въ „юридически-замѣстительномъ“ служеніи Христа, какъ понимало старое традиціонно-схоластическое богословіе, но опять въ *реально-живомъ* и *радикальномъ столкновеніи* въ жизни и главнымъ образомъ въ смерти Іисуса на Голгоѣ и крестѣ двухъ противоположныхъ силъ: божественно-благой,—любви и сатанински—злой, ненависти. Если „обновленіе человѣчества“ возможно только благодатью божественной любви, то оно не могло иначе осуществиться, какъ отъ вѣчности предопредѣленнымъ кровавымъ актомъ жертвы Христовой, въ которой видимо торже-

ствующая творная ограниченность и отрицательная свобода міра нашли себѣ могилу въ превозмогшей ихъ своимъ прощеньемъ и непротивленіемъ богочеловѣческой любви Христа. Страданія, жертва и крестъ такимъ актомъ не только не отмѣняются, чего требуетъ послѣдовательно проводимая „юридическая теорія“, особенно выявившаяся въ протестантской доктринѣ „оправданія“ одною вѣрою—безъ добрыхъ дѣлъ,—напротивъ, возводятся въ законъ. Откровеніе Божественной любви въ реальномъ мірѣ невозможно, слѣдовательно, безъ креста и жертвы, какъ въ имѣвшей принципиальное значеніе жизни и смерти Христа, такъ и въ послѣдующей исторіи человечества; въ этомъ смыслъ *динамической* теоріи „искупленія“.

Если мы осмыслимъ совершающіяся событія при свѣтѣ изложенныхъ догматовъ христіанства въ ихъ жизненномъ реально-динамическомъ истолкованіи, у насъ, пожалуй, отнимется почва для пессимистически-отрицательнаго отношенія къ христіанству и современности. Самъ будучи Божественной силой въ ограниченно-тварной формѣ „уничженія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ принципиально-искупительной жертвой Христосъ не могъ совершить обновленіе человечества *магически*, т. е. мгновенно и безболѣзненно. „Царство Божіе“, согласно Его указанія, не придетъ „примѣтнымъ образомъ“, такъ какъ оно подобно „закваскѣ“, постепенно проникающей все тѣсто, или „горчичному зерну“, медленно выростающему въ огромное дерево, или „колосу“, непримѣтно для глаза, но непрерывно зрѣющему, уже дѣйствуетъ въ человѣческомъ мірѣ. Наступленіе его во всей полнотѣ и божественной славы будетъ предварено небывалыми: въ природѣ—катаклизмомъ и въ исторіи—паденьемъ человечества. Значитъ, наличіе Царства Божія въ мірѣ, по сознанію самого христіанства и слову Христа, не отмѣняетъ не только „физическаго“, но и „нравственнаго“ зла, и всевозможныя бѣдствія и социальныя страданія человечества не оказываются, такимъ образомъ, для насъ *неожиданными*. Этимъ уже притупляется отчасти острота выставленнаго въ началѣ лекціи противорѣчія между дѣйствительностью и обѣтованіями христіанства.

Съ другой стороны, и міръ „заквашенный“ *евангеліемъ* не представляетъ собой безотраднaго зрѣлища. Это—поле,

„обсѣменное“ не только дурными, но и *благородными* силами христіанства. Хотя человѣчество продолжаетъ страдать и даже, быть можетъ, болѣе, чѣмъ прежде, но эти страданія не безсмысленны. Возьмемъ современную войну. Раньше война была потѣхою правителей, турниромъ честолюбцевъ, теперь она—народное дѣло. Изъ лагерей враждующихъ народовъ доносятся неслыханные доселѣ лозунги: „права“, „справедливости“, „самоопредѣленія малыхъ народовъ“, „вѣчнаго мира“ и пр. Равнымъ образомъ великая русская революція не является простой „классовой борьбой“; въ ней заинтересованы одинаково пролетаріатъ и буржуазія, сколько ради личнаго блага, столько же—во имя соціальной справедливости. Христіанскій по существу девизъ „свободы, братства и равенства“ становится *общечеловѣческимъ*. Проникновеніе его въ жизнь не мыслимо безъ потрясеній, какъ принципиальное искупленіе міра—безъ „голгоѣской жертвы“ или торжество церкви—безъ „мучениковъ“. Этими потрясеніями, войнами и революціями *окунается* то самое „обновленіе человѣчества“, о которомъ говорили пророки, которое принципиально совершено Христомъ, а теперь составляетъ задачу современности. И если теперь наряду съ соціальной добродѣтелью страдаетъ и злодѣйство, то вѣдь и на Голгоѣ *крестъ* Христовъ стоялъ среди двухъ разбойничьихъ „висьлицъ“. Но несомнѣнная разница между Голгоѣю и современностью—въ томъ, что тамъ страдала абсолютная Божественная любовь безъ малѣйшей примѣси зла, а на современной голгоѣ среди разбойничьихъ крестовъ умираютъ во множествѣ *человѣколюбцы*, но не всегда „боголюбцы“...

Если дѣло обстоитъ такимъ именно образомъ; если міръ, всколыхнутый христіанствомъ, стремится, хотя утоная въ крови и слезахъ, къ конечному „обновленію“: можемъ ли мы *отречься* отъ Христа и *проклинать* современность? Конечно, нѣтъ! Вѣдь христіанство съ самаго начала служило и доселѣ служить тѣмъ *ферментомъ*, который приводитъ въ „броженіе“ не только личную, но и общественную жизнь. Не удивительно, если на поверхности бродильнаго котла бурлитъ пѣна, вздымаются и лопаются пузыри. Было бы печально, если бы не происходило ничего подобнаго, такъ какъ вмѣсто „здороваго броженія“ шелъ бы неизбѣжно процессъ

жизненія. Происходящее же на нашихъ глазахъ „бурное броженіе“ человѣчества показываетъ, что ферментъ живъ и сохраняетъ свою силу, не смотря на почти тысячелѣтнюю давность, что рано или поздно онъ выгопитъ на поверхность всю окись и, такимъ образомъ, очиститъ и обновитъ міръ. Равнымъ образомъ и человѣчество въ массѣ, благодаря своей ограниченности и дурно направленной свободѣ, не можетъ, очевидно, иначе, какъ чрезъ *красное* крещеніе „войти въ Царство Божіе“. „Не миръ принесъ Я на землю, но мечъ“,— сказалъ Самъ Христосъ, имѣя въ виду далекій отъ идилліи характеръ достиженія всѣмъ человѣчествомъ евангельскаго идеала.

Конечно, мы не можемъ радоваться страданіямъ человѣчества, благословлять терроръ и преступленія: это по истинѣ было бы „краснымъ смѣхомъ“, злораднымъ „хохотомъ Мефистофеля“. Мы должны, по возможности, облегчать раны борющагося за свое обновленіе, за лучшее будущее человѣчества, а для этого во имя „всеобщаго обновленія“ *обновлять самихъ себя*, преодолевать божественной силой любви свою природную ограниченность, свой эгоизмъ, и данную вмѣстѣ съ этой ограниченностью—личностью способность самоопредѣленія и, потому, потенциальную возможность творить зло возводить въ безусловно благоую „свободу чадъ Божіихъ“. Тогда наша личность войдетъ въ кипящій котель человѣчества не простою каплей неочищенной жидкости, а тѣмъ „бродильнымъ грибомъ“, который вмѣстѣ со всею совокупностью вложенныхъ въ человѣческую массу дрожжей будетъ способствовать ускоренію *обновительнаго* процесса.

Итакъ, пусть продолжается война, если она способна дать вѣчный міръ народамъ! *Да здравствуетъ революція*, если помимо нея, не осуществимы свобода, равенство и братство человѣчества! Но, съ другой стороны, не „обманщикъ“ Христосъ и не правъ „великій инквизиторъ“, такъ какъ именно со Христомъ связаны пророчества и обѣтованія, „миръ на землѣ“ и „благоволеніе въ людяхъ“, такъ какъ Имъ первымъ возглашены, осуществлены и принципиально окуплены собственной кровью на Голгоѣ и крестѣ духовная свобода, религіозное братство и равенство людей. Не утомя Царство Божіе, *приближеніе* котораго мы видимъ *сквозь „апокалипсическую“ катастрофу нашихъ дней*. Не

„мертвенны“, но *живы и дѣйственны* христіанство и церковь со всѣми догматами и идеалами. И если когда, то теперь именно не время сдавать ихъ въ архивъ, потому что „не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, а больные“; не благополучное, сытое существованіе благоприятствуетъ осуществленію евангельскихъ принциповъ; не „мѣщанское, буржуазное царство“ есть царство Божіе, а *страданія, крестъ, подвигъ и жертва*.

Однако, нужно помнить, что въ наше время церковь можетъ привлечь къ себѣ широкіе круги общества главнымъ образомъ *соціальной* стороной своей „вселенской миссін“. Пора признать, что „соціальныя обѣтованія“—потенціи христіанства и общественные идеалы лучшихъ, передовыхъ людей *совпадаютъ*,— что война, напр., противорѣчитъ духу евангелія, что смертная казнь позоритъ челоуѣчество, что „непротивленіе злу“, эта обратная сторона любви, не есть толстовская или буддійская мораль, а подлинно христіанское мудрое правило жизни, что въ правильно понятомъ „интернаціональ“ нѣтъ ничего страшнаго или вреднаго христіанству, что равноправіе мужчины и женщины—дѣло простой справедливости, что „народоцравство“, а не деспотія составляетъ норму христіански-общественной организаціи... Если полное проведеніе этихъ принциповъ въ жизнь еще преждевременно, будемъ привѣтствовать хотя частичное ихъ осуществленіе! Если мы не хотимъ страдать за нихъ,—по крайней мѣрѣ, мы не должны искажать или отрицать ихъ, такъ какъ это было бы измѣной общечелоуѣческому „прогрессу“. Дѣлу „обновленія“ и *оклеветаніемъ* христіанства. Мы должны во всей чистотѣ, какъ „догматы“ и „зановѣдн“, беречь эти завѣты, начертать ихъ на своемъ знамени, зажечь ими свой факель и освѣщать жизненный путь себѣ и другимъ. Если „обновленіе челоуѣчества“ еще дѣло далекаго будущаго, во всякомъ случаѣ оно обязано будетъ этимъ „идеямъ—силамъ“, и нашъ долгъ, поэтому, не противодѣйствовать имъ, а усвоить и осуществлять ихъ.

Итакъ, то, что творится на нашихъ глазахъ, не есть „чертовъ водевиль“ и „погребеніе“ христіанства. Напротивъ, это одинъ изъ потрясающихъ актовъ великой *искупительной драмы*, предназначенной челоуѣчеству прежде „общаго воскресенія“,—драмы, началомъ которой служитъ грѣхопаденіе

человѣка, центромъ—Голгоѳа, а концомъ „страшный судъ“. Мы не можемъ не трепетать передъ совершающеюся „титанической“ борьбою силъ, не благоговѣть передъ человѣчествомъ, въ мукахъ рождающимъ свое *прекрасное будущее*. Пусть даже настоящее состояніе человѣчества и особенно Россіи напоминаетъ „первобытный хаосъ“ и крестную агонію, но за этимъ хаосомъ кроется *свѣтъ* и „крестная мука“ готовитъ *торжество* воскресенія.

Ручательствомъ этому служить та именно сила—Любовь, которая создала міры изъ хаоса, человѣка—изъ животнаго и бога—изъ человѣка. Этой силѣ не „страшенъ чертъ“, потому что онъ есть лишь *ограниченное* и *перевернувшееся* проявленіе этой самой силы...

Эта же сила

Все покорила:

Сердце людей,

Чувства звѣрей.

Солнце ли блещетъ,

Море ли плещетъ,

Пышный цвѣтокъ,

Слабый ростокъ—

Все возвѣщаетъ,

Все обѣщаетъ—

Лишь Божество,

Лишь торжество.

Есть и паденье,

Боль и смятенье,

Страхъ и укоръ,

Смерть и позоръ,—

Но утонаетъ,

Но исчезаетъ

Въ блески любви

Тѣнью зари.

А. Туберовскій.